

Размышления над новой книгой

А.С. АХИЕЗЕР

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ, ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОБЩЕСТВО

АХИЕЗЕР Александр Самойлович - кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Публикация, посвященная любой форме общественного движения, вызывает интерес уже тем, что констатирует существование в России спонтанных, возможно массовых, процессов в тех или иных масштабах, независимых от "начальства". Еще недавно само существование таких явлений в России было трудно представить и тем более обсуждать. Я вспоминаю, что в так называемые застойные времена специалисты по рабочему движению спорили о том, можно ли вообще говорить о существовании рабочего движения в России после 1917 г. Теперь споров по этому поводу нет. Но сама попытка анализа той или иной формы общественного движения неизбежно ставит множество теоретических и методологических вопросов. Исследование современного экологического движения в России неизбежно сталкивается с ними.

К такому выводу я пришел после знакомства с новой работой на данную тему¹. Достоинство этой книги состоит в том, что ее автор, О.Н. Яницкий, следуя логике особого предмета, пытается критически осмыслить феномен возникновения и устойчивости этого движения на фоне и в связи с общими проблемами, возникающими в нашем обществе, соотносит динамику экологического движения в стране с фундаментальными общественными процессами.

Исторические рамки исследования - период 1960-1995 гг. Естественен вопрос - откуда в обществе, в котором, казалось бы, не было спонтанных процессов и еще совсем недавно все регулировалось тоталитарной системой, взялось экологическое движение? Ответ должен пролить свет на важнейшую проблему: какова мера способности российского общества порождать эти спонтанные движения. Давно существует вариант ответа на этот вопрос. Российская интеллигенция, включая Бакунина, Ленина, многих постсоветских реформаторов, полагала, что стоит лишь устранить, ослабить пресс власти, то сразу забьют неиссякаемые фонтаны народного творчества. Тем самым якобы будут решены все исповедуемые соответствующей группой интеллигенции проблемы общества, расположенные в диапазоне от построения социализма до построения капитализма. Тем самым проблема источника массового движения как бы не существовала, но зато культивировалась мифология социального зла, которое рядясь в формы тех или иных социальных институтов или групп, приобретало способность парализовывать добро, т.е. источник народного творчества.

Автор продвигается к решению проблемы источников экологического движения научными методами. Он выделяет в обществе порождающие среды экологических движений. Это позволяет сделать не тривиальные выводы, входящие в противоречие со сложившимися представлениями. Яницкий пишет, что даже при господстве тоталитаризма, жестоких репрессиях "продолжали функционировать очаги самоорганизации, рефлексии, и интеллектуальной жизни. Как только репрессии ослабевали, многие общественные организации, санкционированные режимом, начинали частично, исподволь действовать в

¹ О.Н. Яницкий. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: ИС РАН, 1996. 216 с.

режиме самоорганизации" (с. 28). Автор говорит о существовании "интеллектуальных сред", функционировавших в рамках санкционированных режимом институциональных структур, хотя и подвергавшихся периодическим "чисткам" (с. 28). Под порождающей средой автор понимает "легитимную, чаще всего государственную организацию (обычно часть какой-либо институциональной системы), которая непосредственно стимулирует возникновение организаций - носителей социального движения, формирует их идеологию и цели и снабжает необходимыми ресурсами" (с. 29).

О. Яницкий конкретно исследует формы этих сред. К ним относятся организации, занятые в сфере интеллектуального и информационного производства (наука, образование, воспитание, пропаганда), для большинства членов подобных организаций рефлексия была неотъемлемым элементом профессиональной деятельности; организации институционально и профессионально работающие над проблемами среды обитания; организации, рекрутируемые из среды интеллигенции и занятые ее воспроизводством; организации, чья профессиональная "клубная" деятельность была официально санкционирована системой; организации, располагающие возможностью перераспределения ресурсов в своих интересах. У автора не вызывает сомнения, что истоки движения следует искать в официальных организациях, которые на определенном этапе своего существования стимулировали в некоторых рамках творчество, инициативу. Это пыталось сделать тоталитарное, а затем и авторитарное государство (с. 29). Система пыталась в очередной раз мобилизовать вновь создаваемые кадры молодой советской интеллигенции в своих интересах (с. 32). Например, создание студенческих дружин охраны природы было выгодно комсомолу как новое направление работы с молодежью. Существование обществ охотников, рыболовов было выгодно государственным организациям, борющимся с браконьерами.

Тем самым О. Яницкий опровергает одну из традиционных иллюзий интеллигенции. Экологическое движение в России возникло внутри официальных организаций. Без сомнения, подобный вывод будет неожиданным для весьма многих, разделяющих представление об абсолютном противостоянии массового творчества и государства. Важность этого вывода достаточно велика и требует не только дальнейших исследований, но и содержательных размышлений.

Этот, показанный Яницким, путь возникновения экологических движений объясняется тем, что тяготение советской системы к тоталитаризму неизбежно приводило к подавлению творчества в каждой точке общества, к угасанию эффективности деятельности людей. Это делало неизбежными попытки в рамках локальных сообществ стимулировать ограниченный и контролируемый рост творчества при одновременном сохранении практики подавления форм творчества, возникающих вне официальных организаций. Подобная трактовка ситуации резко расходится с вульгарной и расхожей точкой зрения на тоталитаризм как абсолютное подавление. Картина существенно сложнее. Одновременно, данная Яницким картина динамики российского экологического движения резко расходится со сложившимися интеллигентскими представлениями о взрыве массового творчества после краха тоталитаризма и кризиса государственности. В новых условиях развитие экологического движения никак не походило на взрыв - оно носило ограниченный и неустойчивый характер.

Автор раскрывает важные процессы, протекающие в обществе, государстве, которые имеют значение, выходящее за рамки проблемы структуры и динамики экологического движения. Постепенно государство теряло контроль над ним. Возникшую ситуацию автор квалифицирует как двоевластие. Мне уже приходилось писать, что его существование в России нельзя связывать лишь с каким-то одним этапом истории страны, но напротив, двоевластие периодически выходит на первый план. Оно не всегда приобретает форму существования двух центров власти в масштабе общества, но систематически прослеживается на низших уровнях его социальной жизни. Корни этого явления лежат в социокультурном расколе общества, в слабости государства, в постоянном распаде общества на силы, движимые противоположными ценностями. Исследования Яницкого показывают, что рассматриваемая им форма двоевластия была непосредственным результатом двух несовместимых тенденций: стремления власти сохранить контроль над движением и одновременно ожидания от него повышения результативности деятельности. Возникающие экологические кооперативы, клубы, общественные объединения развивали в себе способность самостоятельно принимать решения. Появились целые институты социальной деятельности, так называемые "молодежные инициативы" (фонды инициатив, изобретений, МЖК, клубы по интересам, спортивные комплексы, хозрасчетные экологические центры). Автор квалифицирует их как организации переходного типа к

гражданскому обществу. Появилась масса независимых социальных субъектов - гражданских инициатив, т.е. самодельных объединений горожан (с. 100). Яницкий показывает рост разнообразия этих социальных агентов, выдвигающих альтернативные проекты. Экологически ориентированные гражданские инициативы вливались в организации Народных фронтов, возникших в 1988 г. Эта, казалось бы, оптимистическая картина, возникшая при ослаблении государственного пресса, тем не менее не может рассматриваться как подтверждение упомянутого выше мнения о бурном развитии народного творчества. После подъема начался спад, который нельзя объяснить только усилением административного нажима.

Исследования Яницкого заставляют думать, что уровень массового творчества вообще значительно меньше зависит от попыток государства им манипулировать, чем от исторически сложившегося уровня собственных потенций. Скорее можно предполагать обратную зависимость. Вместе с тем, несомненной заслугой автора является разработка им концепции контекста движения. Выделяются три его уровня: культурно-исторический, макросоциальный и ситуационный. Первый операционализируется автором через доминирующие в обществе социальные парадигмы ("Системной исключительности" и "Системной адаптивности"), второй - через взаимоотношения движения и государства, третий - как локальная конфигурация про- и контрэкологических сил (с. 87, 101 и др).

Дальнейшее исследование динамики экологического движения в России, возможно, позволило бы понять многое в сфере динамики государства и общества в России.

Анализ автором форм порождающей среды с полной очевидностью показывает, что люди, вовлеченные в экологическое движение, характеризовались более высоким уровнем образованности, информированности и гражданской ответственности. Они были связаны с научными образовательными и коммуникационными структурами. Это позволяет сделать вывод, что экологическое движение носит интеллигентский характер. Автор констатирует, что ядро российского экологического авангарда - это "интеллигенция", ее мыслящая, "с обостренным чувством ответственности элита" (с. 90). Кроме того, существует "теневой авангард" (с. 90), который также можно рассматривать как интеллигентный по своему составу, включая и тех, "кто просто тешил свое интеллигентское самолюбие..." (с. 90). Проведенный анализ подводит к мысли, что речь идет о новом этапе в динамике российской интеллигенции. Это обстоятельство представляет особый интерес в связи с вновь усиливающимися спорами по поводу судьбы российской интеллигенции (например, см. "Интеллигенция и власть на пороге XXI века, в 2-х частях". Екатеринбург, 1996), споров по поводу того, продолжает ли она существовать или исчезла вместе с советской системой. Автор не уходит от этой задачи, он прямо адресует свою книгу и тем, кто "интересуется ролью российской интеллигенции в формировании гражданского общества" (с. 8). Исследование Яницкого позволяет проследить важные элементы эволюции интеллигенции на изучаемом этапе.

Специфика интеллигентского движения заключается в том, что оно постоянно находится между властью и народом - как в сфере ценностей, так и организационно. Интеллигенция, ее наиболее активная часть, периодически пытается противостоять власти, опираясь на определенно трактуемые ценности народа, и одновременно периодически стремится стать властью, создать власть на основе культивируемых собственных ценностей. Эта двойственность, расколотость интеллигенции проявляется как попытка преодоления двоевластия, либо путем ослабления системы, либо, наоборот, - слияния с нею с тем, чтобы ее изменить. Все это с достаточной очевидностью можно видеть в современном экологическом движении. Например, вторая тенденция проявляется в бюрократизации движения, в снижении уровня его протестного потенциала, во все большей склонности к стратегиям политического компромисса (с. 141. 152). Этот сдвиг подтверждается тем, что после 1994 г. местные экологические фонды были консолидированы с соответствующими бюджетами, что свидетельствовало об определенном сближении целей движения, его руководства с целями структур местной власти. Автор обращает также внимание на возрастающую зависимость форм социального действия ячеек движения от получения грантов от различных международных организаций (с. 169). Все это свидетельствует об усилении зависимости движения не столько от массового недовольства населения экологической ситуацией в стране, сколько от институтов, формирующих экологическое сознание населения и, в частности, от социально приемлемого уровня риска (с. 78, 81).

Одновременно это движение носило антибюрократический характер, т.е. пыталось противостоять системе. Сочетание этих двух, казалось бы, несочетаемых тенденций характерно для интеллигенции вообще. Исследования в этой области открывают возмож-

ность понять некоторые важные аспекты как динамики экологического движения, так и факторы, раскрывающие специфику современного этапа развития интеллигенции.

Среди этих аспектов следует выделить нравственную динамику. О. Яницкий показывает рост утилитаризма в экологическом движении, что свидетельствует о росте утилитарных ценностей среди интеллигенции вообще. Этот процесс начался не сегодня, но сегодня как среди интеллигенции, так и в обществе в целом, утилитаризм усиливается. Рост утилитаризма в экологическом движении является результатом стремления этого движения адаптироваться к обществу. Значение этого процесса в России как в прошлом, так и в настоящем не исследовано. Здесь, как и во многих других сферах, господствуют мифы, иллюзии, фобии. Изучение утилитаризма в экологическом движении могло бы бросить свет на соответствующие процессы в обществе в целом. Следует пожалеть, что автор уделил недостаточное внимание этой важнейшей общественной проблеме.

Сегодня люди, пытающиеся решать экологические проблемы, неизбежно сталкиваются с развитием сложных, противоречивых воззрений на современный мир, на условия и предпосылки возникновения и практики разрешения экологических проблем. В этой связи само экологическое движение, его различные формы можно рассматривать как попытки реализовать те или иные концепции или наоборот их опровергать, критиковать. Это обстоятельство представляет особый интерес в связи с тем, что автор рассматривает Россию, как и экологическое движение, в свете разрабатываемой в социологии концепции современного общества как общества риска. Эта концепция исходит из того, что человеческие действия, решения направлены на разрешение экологических, как впрочем и всех иных проблем. Автор показывает, что за десятилетия своего существования система не только безжалостно эксплуатировала и разрушала природную и социальную среду, но и породила ценностные и социальные структуры, которые сами по себе являются источником и производителем рисков и опасностей, возможно даже глобального характера. Например, безудержное разрастание и территориальная экспансия системы сопровождалась накоплением "энергии самораспада" (с. 25). Автор утверждает, что сегодня в России производство рисков стало всеобъемлющим, превращая страну в общество "всеобщего риска".

Иначе говоря, эта концепция утверждает, что человечество попало в заколдованный круг. Безусловно, наше общество дает обильную пищу для подобных суждений. Тем не менее, представляется уместным высказать некоторые критические соображения по поводу возможности использования этого подхода для понимания места и целей экологического движения вообще и, в частности, в России.

Концепция общества риска не открывает перспектив для выхода из заколдованного круга. Она игнорирует тот факт, что в решениях, действиях людей есть и другая сторона. Она заключается в том, что люди способны постоянно углублять и расширять свои творческие способности, повышать эффективность своей творческой деятельности, предвидеть и предотвращать негативные ее последствия. Было бы крайне непродуктивно противопоставлять эти негативные, связанные с возрастающим риском, стороны человеческой деятельности, и позитивные, связанные со способностью уменьшать риск, предотвращать опасности. Методологически нельзя сводить деятельность к одной из названных сторон. Проблема заключается в том, что человек постоянно сталкивается с появлением все новых опасностей, возникающих как независимо от его деятельности, так и в форме ее результатов. Поэтому каждую секунду своего бытия каждая личность, все человечество, с одной стороны, стоят перед угрозой нарастающих опасностей, перед очередным вызовом истории. Но с другой - люди всегда располагают возможностью через напряженную рефлексию (психологическую, культурно-ценностную, нравственную, хозяйственно-экономическую и т.д.) повышать свою способность преодолевать все более масштабные опасности, преодолевать угрозы дезорганизации, разрушения жизни людей, сообществ. Из этого следует, что смысл современной эпохи следует искать не столько в возрастающих рисках, угрозах, в динамично возрастающих трудностях разрешения проблем, сколько в способности людей наращивать способности утверждать себя во все более сложном мире, постоянно быть способными противостоять вызовам, опасностям все более сложного мира.

Риск является всего лишь одним из аспектов этой сложной ситуации. Риск существовал всегда и периодически достигал масштабов, угрожающих человечеству необратимой дезорганизацией. При этом, риск далеко не всегда был результатом собственных действий человека. Разумеется, в современном обществе риск самому существованию человека постоянно возрастает. Но акцент лишь на этом обрекает человека на капитуляцию перед сложностью, в конечном итоге на необратимую дезорганизацию, перерастающую в

катастрофу. Очевидно, что никто не может дать гарантию того, что в напряженной борьбе с нарастающей дезорганизацией человек всегда окажется победителем. Но человек всегда имеет шанс на победу, реализация которого зависит не от вида и масштабов опасностей и риска, но от способности перестраивать себя в соответствии с жизненно важной потребностью противостоять этим опасностям во всеоружии своего творческого напряженного саморазвития. В этой связи экологическое движение представляет собой школу повышения нравственной ответственности людей за самих себя, за общество, школу культивирования своих способностей противостоять опасностям.

Следует отметить, что исключительная сложность проблем нашего общества требует от исследователей умения решать ограниченные, сравнительно узкие задачи на широком фоне общих проблем. Разумеется, такой подход связан с определенными трудностями, с тем, что исследователь будет вынужден касаться проблем, с которыми он недостаточно знаком, читать литературу по смежным проблемам, по общим вопросам и т.д. Однако люди, выбравшие себе науку как образ жизни, должны преодолевать эту трудность, расширяя сферу видения своей проблемы, уметь видеть ее не только изнутри, но и как бы из космоса. Противоположная опасность, т.е. сужение кругозора до голодного минимума, чем страдают многие социологические работы, может обесценить даже значительные познания в ограниченной области. В этом случае невозможно установить саму меру полученного знания, оценить его значимость в системе знаний для решения проблем общества.

Ценность работы О.Н. Яницкого определяется в значительной степени постоянным стремлением соотносить предмет своего исследования с общими проблемами. Эта работа выходит далеко за рамки обычного социологического исследования. Она носит социо-исторический, историко-социологический характер, раскрывает сложность и противоречивость динамики экодвижения, показывает его диалектический путь, неблагоприятные условия его развития, что характерно для интеллигенции в целом. Работа пронизана глубокой социальной ответственностью. Автор ищет пути и средства преодоления кризиса экологического движения, приходит к выводу, что стратегической задачей движения является преодоление его изолированности, замкнутости, возвращение на российскую общественно-политическую арену. После прочтения книги напрашивается вывод, что движение должно ответить на социальный и культурный вызовы "переходного общества" своей способностью противостоять этим вызовам со все большей эффективностью, втягивать в экологически ориентированную деятельность все общество.

Этой книгой и рядом связанных с ней статей теоретического характера О.Н. Яницкий открыл важное для отечественной социологии направление исследований, имеющее междисциплинарный обертон. Что же касается самой книги, то ее хорошая структурированность, определение ключевых понятий, ясность изложения, а также наличие предметного и именного указателей придают ей заверченный академический характер.